

когда я уйду

КОЛИН ОУКЛИ

КОГДА Я УЙДУ

Москва
2016

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
О-90

Colleen Oakley
BEFORE I GO

© Colleen Oakley 2014. This edition is published by arrangement with
Emma Sweeney Agency LLC and The Van Lear Agency LLC.

Перевод с английского *Т. Перцевой*

Художественное оформление серии *П. Петрова*

Оукли, Колин.

О-90   Когда я уйду : [роман] / Колин Оукли ; [пер.
с англ. Т. А. Перцевой]. — Москва : Издательство «Э»,
2016. — 320 с. — (Мировой бестселлер).

ISBN 978-5-699-92674-9

О чем думает человек, узнавший о смертельном диагнозе? Жалует себя? Пишет завещание? Предаётся досаде из-за неделанного? Героиня этой книги Дейзи, узнав, что жить ей осталось недолго, решила прежде всего позаботиться о своем муже — найти женщину, которая могла бы утешить его после ее смерти...

Несмотря на безысходную ситуацию, Дейзи не сдаётся и ищет ответы на вопросы: что действительно важно? кто действительно важен? как найти мужество продолжать жить, когда знаешь, что умираешь?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-699-92674-9

© Перцева Т., перевод
на русский язык, 2016
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

Жизнь приятна. Смерть спокойна. Переход от одного к другому мучителен.

Айзек Азимов

Февраль

ГЛАВА 1

Капуста исчезла. Я стою перед открытым холодильником, позволяя прохладному воздуху красться по моим голым бедрам. Отодвигаю стопки пищевых контейнеров с остатками обедов, которые мы никогда не съедим. Обыскиваю контейнер для фруктов, даже извлекла на свет божий черешки увядшего сельдерея (интересно, кто-то успевает съесть весь пакет сельдерея, прежде чем он станет жестким, как резина?). На самом дне собралось нечто вроде слизи. Нужно его помыть.

Я добавила еще одно дело к мысленному списку обязанностей. И даже вытащила упаковки молока и сока с верхней полки и заглянула за них.

Пусто.

Капуста определенно исчезла.

И тут из гостиной доносится пронзительный визг Королевы Гертруды, нашей абиссинской морской свинки. Только тогда я понимаю, что случилось с моей зеленью.

И чувствую, что гнев пузырится во мне, как в бутылке «доктора Пеппера», долго катавшейся по полу машины. Ожидая, чтобы сняли крышечку, — тогда-то наконец можно вырваться на волю из пластиковой тюрьмы.

Это всего лишь капуста.

Это всего лишь капуста.

Это всего лишь рак.

Полагаю, что мой гнев — это всего лишь замаскированная печаль. Так сказал психотерапевт на одном из се-

Коллин Оукли

ансов, которые я согласилась посещать четыре года назад, когда у меня был рак груди.

Да, был.

Но сейчас я думаю, что гнев — это просто гнев при мысли о том, что у меня, возможно, снова рак груди.

Да, снова.

Кого еще рак поражает дважды до тридцати? Все равно что дважды попасть под удар молнии. Все равно что дважды выиграть в лотерею «Мега Миллион». Все равно что выиграть в раковую лотерею...

— Доброе утро.

Джек появляется на кухне, зевающий, в помятой майке, на которой написано: «ПОСТОРОНИСЬ. Я ИДУ ПОПЫТАТЬ СЧАСТЬЯ В НАУКЕ», и зеленых штанах от хирургического костюма. Вытаскивает термокружку из шкафчика над раковиной и помещает под носик нашей кофеварки. Сыплет в машину порцию утренней смеси и нажимает кнопку. Я глубоко вдыхаю. Хотя я больше не пью кофе, все же обожаю его запах.

— Джек, — отвечаю я и, отложив на время свою рекогносцировочную миссию, подхожу к стойке, где держу наготове блендер. Насыпаю чашку замороженной малины в стеклянный кувшин.

— Да, малыш?

Он подходит сзади и целует меня между ухом и щекой. Звучное «чмок» отдается в барабанной перепонке.

— Бенни! — произносит он тоже прямо мне в ухо, когда наш трехногий метис терьера рысит в комнату, и встает на колени рядом со мной, чтобы приветствовать его.

— Вот хороший мальчик! Как ты спал? Спорю, ты голоден! Ты голоден, малыш Бенни?

Бенни стучит хвостом по розовой плитке кухонного пола, благосклонно принимая все старания потереться носом об нос и почесать за ухом.

Джек встает и направляется в кладовую, насыпать корма в миску Бенни.

Когда я уйду

— Это ты скормил Герти капусту, которая лежала в холодильнике?

— О да, — пожимает он плечами. — Огурцы кончились.

Я стою и молча смотрю, как он хватается банан из миски с фруктами на стойке и начинает чистить. Бенни с довольным видом хрустит своим завтраком.

Джек откусывает от банана и наконец, заметив тяжесть моего взгляда, смотрит на меня. Потом на блендер. И легко хлопает себя по лбу свободной от банана рукой.

— О черт, прости, малыш. Сегодня вечером куплю по пути домой из клиники.

Я вздыхаю и начинаю молотить лед. Делаю утренний смузи без капусты.

Глубокий вдох.

Это всего лишь капуста.

А в Дарфуре голодают дети. Или их убивают во сне. Разве в Дарфуре бывает геноцид? Не могу вспомнить. Так или иначе, с детьми за далекими морями случаются очень скверные вещи, а тут я расстраиваюсь из-за листового овоща.

И возможного повторного рака.

Но Джек не знает о раке, потому что я ему еще не сказала. Понимаю, жена не должна иметь тайн от мужа, бла-бла-бла...

Но я многое не говорю Джеку.

Вроде того, что нельзя так просто купить органическую капусту в «Крогере», в квартале отсюда. Единственный бакалейщик, который продает ее, находится в более чем восьмидесяти пяти милях отсюда. В Атланте. А фермерский рынок, где я покупаю капусту этого сезона, откроется только в понедельник. В Монро есть небольшой продуктовый лоток, где иногда продают органическую капусту, но он открыт только по субботам. А сегодня четверг.

Джек не знает всего этого, потому что не покупает продукты. Не покупает продукты, потому что единствен-

Коллин Оукли

ный раз, когда я послала его в магазин за средством для посудомоечной машины и лимоном, он явился домой с совершенно не нужными нам покупками на сто двадцать пять долларов: в их числе три фунта стейков на ребрышке и контейнер с сорока двумя крохотными пластиковыми чашечками с такими же крохотными мандаринами.

— Не беспокойся, — говорю я вслух, — куплю капусту в следующий раз, когда поеду в магазин. Подумаешь, большое дело.

Подумаешь, большое дело.

Подумаешь, большое дело.

Я наливаю розовый, так и не ставший зеленым смузи в стакан и подхожу к стойке, где держу список неотложных дел. Беру карандаш рядом со стопкой бумаги и пишу.

1. Вымыть контейнер для овощей.

2. В субботу позвонить в Монро, узнать насчет капусты.

Потом я записываю еще три дела, которые нужно сделать сегодня между уроками:

3. Написать карточки для экзамена по тендерным исследованиям.

4. Купить герметик для окон.

5. Поработать над диссертацией!

Моя диссертация. Для которой у меня все еще нет темы. Я учусь во втором семестре магистратуры в отделе консультационных услуг местного самоуправления. Я уже выбрала, изучила и отвергла около шести различных тем для диссертации.

— Диорама! — вопит Джек, насильственным образом вырывая меня из потока мыслей.

Мой взгляд фокусируется на нем, и я понимаю, что он только сейчас сказал. Облегчение обрушивается на меня, и я временно забываю все, что занимало мои мысли: капуста, рак, диссертация.

Когда я уйду

— Да! — отвечаю я.

Его зубы сверкают в улыбке, адресованной мне, и я всматриваюсь в его неправильный прикус. Это первое, что я в нем заметила, и нашла недостаток ошеломляюще очаровательным. Именно так я поняла, что попала в беду. Потому что когда тебе кто-то не нравится, ты просто думаешь: «У него кривые зубы».

Джек, все еще улыбаясь, слегка кивнул, очевидно, довольный собой, поскольку вспомнил слово, которое никак не давалось нам три ночи назад, когда мы переключали каналы и остановились на «Парке Юрского периода».

— Боже, это лучший фильм на свете, — заявил он.

— Лучший, — вторила я.

— Я так его любил и использовал для проекта по науке в пятом классе, когда...

— ...анализировал, возможно ли воскресить динозавров из мертвых, воспользовавшись ДНК комара. И ты завоевал первое место на конкурсе научных проектов округа Брентон, — закончила я за него, игриво закатывая глаза. — Я все это уже слышала.

Но моего мужа никак нельзя было отвлечь от воспоминаний о днях былой славы.

— Но главной и лучшей частью всего проекта были миниатюрные модели динозавров, которые я сам склеил! Черт, как они назывались? И я сохранил их навсегда. Думаю, у отца они и сейчас есть.

— Террариумы?

— Нет, с настоящими растениями и все такое. В обувной коробке, так, что смотришь в один конец и все видишь.

— Я знаю, о чем ты... просто вспомнить не могу... погоди... Круговая панорама? Нет. Они круглые. Так и вертятся на языке.

И так продолжалось еще несколько минут, но ничего не выходило.

До этой минуты.

Коллин Оукли

— Диорама, — повторяю я, улыбаясь.

И улыбку вызывает не внутренняя свобода, которая приходит, когда наконец вспоминаешь слово, ускользавшее от тебя несколько дней. Дело в Джеке. Моем муже, который выпаливает слова без всякой связи с каким-либо контекстом, посреди кухни в четверг утром. Сердце при этом наполняется изумлением и удовольствием от наших отношений. Полагаю, все пары рано или поздно испытывают это. Сознают, что их связь самая особенная, самая сильная, их любовь самая Великая на свете. Не все время: только в эти нечастые и недолгие моменты, когда смотришь на человека, с которым находишься рядом, и думаешь: «Да. Это ты».

Это один из таких моментов. Мне становится тепло.

— Почему ты все еще пьешь эти штуки? — спрашивает Джек, разглядывая мой самодельный смузи. Сам он сидит на стойке, напротив меня, с хлопаньем втягивая в себя полную ложку «Фрут Лупс» с молоком из слишком большого пластикового контейнера, который приспособил под миску. Джек любит сухие завтраки. И, фигурально выражаясь, может есть их хоть трижды в день.

— Рак у тебя был четыре года назад.

Мне хочется дать привычный ответ, как всякий раз, когда он критикует мою скучную органическую, напичканную антиоксидантами, ничего питательного не дающую диету: «И не хочу, чтобы он повторился».

Но сегодня у меня язык не поворачивается выговорить это.

Сегодня я должна открыть тайну, которую носила в душе почти двадцать четыре часа. С тех пор как вчера утром разговаривала по телефону с доктором Сандерсом. Потому что физически не способна произнести слова. Они застряли у меня в горле, как одна из противных шелушинок от попкорна, которые царапают небо и вызывают слезы на глазах.

Я обыскиваю углы собственного мозга, подбирая нужные слова...

Когда я уйду

Пришли результаты моей биопсии. Ничего хорошего. Количество опухолевых маркеров повысилось. Хочешь, пообедаем сегодня вместе?

Помнишь, как в прошлом феврале мы устроили вечеринку в честь того, что я три года живу без рака и уже больше не должна сдавать анализы крови раз в полгода? Так вот...

Но я решаю обойтись жесткой холодной правдой. Потому что, как бы ни старался доктор смягчить удар своим «нужно сдать еще несколько анализов» и «давайте не паниковать, пока не поймем, с чем имеем дело», я знаю, что он имеет в виду ужасную, жуткую, ничего хорошего не предвещающую, очень скверную новость.

Я откашливаюсь.

— Знаешь, вчера звонил доктор Сандерс.

Я стою спиной к нему, но в комнате становится тихо, и я знаю, если обернусь и посмотрю, окажется, что ложка застыла на полпути между его ртом и миской, словно он ест сухой завтрак в кино и кто-то остановил картину, чтобы ответить на звонок или выйти в ванную.

— И? — спрашивает он наконец.

Я поворачиваюсь как раз вовремя, чтобы увидеть, как он опускает ложку в полупустую миску. Теперь он в замедленной съемке. А может, это я.

— Он вернулся, — говорю я как раз в тот момент, когда миска выскальзывает из его руки и водопад молока и «Фрут Лупс» каскадом льется по его ноге на пол.

— Дерьмо, — бурчит он, прыгивая со стойки.

Я хватаю рулон бумажных полотенец с держателя и начинаю разматывать полотнища. Пока не получаю достаточно большой букет, чтобы промокнуть лужу. Потом нагибаюсь и принимаюсь за работу.

— Давай я, — говорит Джек, вставая на колени рядом со мной. Я вручаю ему бумажный ворох.

Мы атакуем лужу молча и отгоняем Бенни, когда тот пытается лакать сладкое молоко. Я вижу, что Джек пытается осознать только что услышанное. Скоро он упрекнет

Коллин Оукли

меня в том, что не сказала ему раньше. Как я могла держать это в себе целых двадцать четыре часа?

Потом спросит, что именно сказал доктор Сандерс. Дословно. И я расскажу ему так, словно передаю последние соседские сплетни.

Он сказал.

А потом я сказала.

А потом он сказал.

Но пока что Джек будет выпитывать. Размышлять. Осознавать. Пока мы бок о бок делаем все, чтобы убрать эту большую абсурдную лужу.

Прежде чем уйти в ветлечебницу, Джек целует меня в щеку, сжимает плечо и заглядывает в глаза.

— Дейзи! Все будет хорошо.

Я киваю.

— Не забудь свой ланч, — напоминаю я, подавая ему пакет из оберточной бумаги, в который вчера вечером положила сэндвич с тунцом, плитку гранолы и несколько маленьких морковок. Он выходит через кухонную дверь, а я отправляюсь готовиться к новому дню. Только слышу, как скрипнула сетчатая дверь, открываясь и закрываясь за ним.

Вот что он хотел сказать:

— Ты не умрешь.

Но я знаю, что не умру. Прошел всего год с последнего, чистого анализа крови, и я даже не чувствовала опухоли, которую нашли на маммограмме, когда ощупывали и проверяли левую грудь, так что они наверняка обнаружили ее достаточно рано, как в первый раз. Анализы, которые я сдам завтра, только подтвердят, что у меня рак груди. Снова. Но это не означает, что все будет хорошо.

Я не хочу снова проходить это. Терпеть операцию. Или химиотерапию. Или облучение. Не хочу, чтобы у меня отняли год жизни, пока я подвергаюсь всему этому. Знаю, что веду себя, как капризный ребенок: топаю ногами, сжимаю кулаки и крепко жмурюсь, одна против всего мира. Не хочу! Не хочу! Не хочу! Да, понимаю, что

Когда я уйду

должна быть благодарна. Если рассуждать о раке, я еще легко отделалась. Поэтому и стыжусь честно признаться в самом большом страхе: не хочу снова терять волосы.

Конечно, это пустое тщеславие и не имеет никакого значения, но я люблю свои волосы. И пока я в прошлый раз старалась быть «сильной лысой женщиной», если уж быть до конца честной, мне это совершенно не идет. Некоторые ухитряются даже без волос выглядеть стильно. Но я не одна из них. Моя шоколадная грива только отросла до плеч — волосы растут не так быстро, и они не такие блестящие, как когда-то, зато длинные. Это женственно. И я ценю их больше с тех пор, как однажды потеряла. Иногда я ловлю себя на том, что глажу их, почти мурлыча, как в тех случаях, когда глажу жесткий мех Бенни.

Хорошие волосы. Красивые волосы.

Оставайтесь, волосы.

Я также обожаю свои груди, поэтому и не позволила доктору Сандерсу отрезать их в тот раз. Многие женщины соглашаются на это. Главное — безопасность. Это всего лишь груди. Но мне было двадцать три. И я не хотела с ними расставаться. Почему рак не мог завестись в моих бедрах или моем вечно недостаточно плоском животе? Я бы с радостью рассталась со всем этим. Но, пожалуйста, ради бога, оставьте мои идеальные, задорные, заставляющие большинство мужчин делать стойку груди третьего размера!

Не то чтобы я приняла неверное медицинское решение. Сразу после того, как мне поставили диагноз, в «Тайм» вышла большая статья с результатами большого медицинского исследования в Хьюстоне. Оказалось, что процент выздоровления женщин, предпочитающих превентивную двойную мастэктомию, примерно равен числу женщин, не согласившихся на радикальную операцию. Я никогда не читаю «Тайм». Увидела статью по пути на лекцию по социологии преступлений, когда заглядывала через плечо студента, сидевшего рядом в автобусе. Я решила, что это знамение. И когда поговорила с доктором

Колин Оукли

Сандерсом, тот согласился — хотя исследование было предварительным, результаты казались довольно убедительными. И что выбор за мной.

Не прошло и четырех лет, как я сижу здесь, и рак вернулся, а случайно увиденная журнальная статья уже не кажется перстом судьбы. И я, видимо, просто верила в то, во что хотела верить. Чтобы делать то, что хотела делать. Нужно было позволить отрезать обе груди. Не стоило быть такой тщеславной.

Я заканчиваю чистить зубы и в последний раз смотрюсь в зеркало.

Мои волосы.

Мои идеальные груди.

Я вдыхаю. Выдыхаю.

Это всего лишь рак.

Я люблю спокойствие утра. Я одна в доме, но наслаждаюсь напоминаниями о том, что я не одна в мире. Джек ушел, но его присутствие все еще ощутимо. Вмятина на постели, где его тело согревало простыни, манит меня. Может, стоит заползти в постель хотя бы на секунду? Что такого искушающего в незастеленной кровати?

Я противлюсь порыву, расправляю одеяло и разглаживаю морщинки. Потом взбиваю подушку Джека, стирая свидетельство крепкого ночного сна и оставляя постель готовой к дремоте сегодняшней ночи.

Собираю с пола у кровати три пары грязных носков и бросаю в корзину с бельем. Смотрю на открытый чемодан на полу, рядом с комодом. Каждый год мы с Джеком празднуем двенадцатое февраля — день, когда после месяцев химиотерапии и шести недель облучения позвонил доктор Сандерс и официально объявил меня избавленной от рака. В прошлом году на третью годовщину мы планировали обед в узком кругу для семьи и друзей в моем любимом ресторане. Джек должен был заказать отдельный кабинет в «Гарри Биссет», но в утро вечеринки, когда я позвонила спросить, нельзя ли принести с собой

Когда я уйду

шампанское, управляющий сказал, что у него нет никакой записи о заказанном нами столике. Джек забыл.

«Серьезно, Джек? Обзвони всех и скажи, что вечеринка отменяется», — послала я эсэмэску, яростно тыча пальцем в каждую букву на моем несчастном айфоне. Когда я тем вечером подкатила к дому, все еще кипя гневом, я едва заметила машины, выстроившиеся на обочине нашей узкой улицы. Но когда я вошла через заднюю дверь, хор голосов весело прокричал: «Счастливой годовщины без рака!»

Мои широко раскрытые глаза вобрали жизнерадостные лица друзей и родных. Джек не только пригласил всех к нам на импровизированную пивную вечеринку, но заказал несколько подносов куриных крылышек от «Га-триз» и зажег дорогие свечи, которые я вынимаю только по особым случаям.

— Я люблю тебя, — произнес он одними губами с другого конца кухни, где наливал моей маме стакан белого зинфанделя — единственного вина, которое она пьет. Я кивнула, покрасневшись от жары и оттого, что сердце было полно любви к моему рассеянному мужу, который, как кошка, каким-то образом всегда умудряется приземлиться на четыре лапы.

В этом году Джек удивил меня, объявив, что запланировал для нас однодневную поездку. Я редко провожу больше нескольких часов в компании моего заработавшегося мужа, одного из немногих сверхспособных индивидов, одновременно получающих и степень доктора ветеринарной медицины, и доктора философии в ветеринарной медицине, так что была особенно взволнована. Мы уезжаем через два дня, и моя половина маленького чемодана аккуратно упакована, свитера свернуты, джинсы сложены, нижнее белье и носки закинута в сетчатый карман. Половина Джека пуста. Всю неделю по вечерам я напоминала ему о необходимости собраться, хотя знала, что он дотянет до последней минуты, а в субботу утром побросает в чемодан все как попало и обязательно забудет